Раневская Фаина 28.08.06

102

Независимая газ.-2006.-28 авг.-с.12.

Женщина-апокриф

О некруглой дате Фаины Раневской

Вероника Чернышева

Вообще-то дата круглая – 110 лет со дня рождения. И если верить биографиям, Раневской исполнилось 110 лет 27 августа. Но как настоящая женщина, которой всегда есть что скрывать, Фаина Раневская все-таки утаила от истории два года своего возраста. Вышло случайно. Просто произошла очередная нелепость, кокетства в этом, конечно, никакого не было, умысла – тоже. Советское правительство в тридцатые выдавало паспорта, не требуя метрик, дату можно было назвать любую. «Какая же я идиотка, – сетовала Раневская, – скостила себе только два года, что провела на курортах, а Любочка Орлова – сразу десять лет...»

Глеб Скороходов записал слова Раневской: «В шестьдесят лет мне уже не казалось, что жизнь кончена, и когда седой как лунь театровед сказал: «Дай бог каждой женщине вашего возраста выглядеть так, как вы», – спросила игриво:

– А сколько вы мне можете дать?

– Ну, не знаю, лет семьдесят, не больше.

От удивления я застыла с выпученными глазами и с тех пор никогда не кокетничаю возрастом».

Одиночество – это когда тебе некому рассказывать свои сны. Так говорила Фаина Раневская. Обратная сторона одиночества – обостренное чувство собственного достоинства. Далеко не каждый мог ужиться с ней рядом или даже, элементарно, – простить ей незаурядный талант, «терпкий талант», по выражению Алексея Толстого. «Вы не актриса, вы актрисище!» – сказал он как-то Раневской.

Она была ранима, трагически уязвима. К самым близким привязывалась по-собачьи на всю жизнь, далеких – не подпускала, язвила талантливо, иронично. Заставляла себя опасаться.

То, что когда бы то ни было говорила Раневская, не принято брать в кавычки. Ее хлесткие реплики и грустные замечания о жизни ушли в народ еще при ее жизни. Нелепые истории обрастали новыми подробностями, благо она и сама была щедра на них. Случившееся с Раневской все пересказывали по-своему, но всего смешнее, разумеется, это делала она сама. Над собой она смеялась жестоко. Особенно любила вспоминать неудачи своей творческой жизни: «Первый сезон в Крыму, я играю в пьесе Сумбатова Прелестницу, соблазняющую юного красавца. Действие происходит в горах Кавказа. Я стою на горе и говорю противно-нежным голосом: «Шаги мои легче пуха, я умею скользить как змея...» После этих слов мне удалось свалить декорацию, изображавшую гору, и больно ушибить партнера. В публике смех, партнер, стеная, угрожает оторвать мне голову. Придя домой, я дала себе слово уйти со сцены».

В молодости она давала его себе не раз.

В театральную школу ее не приняли – из-за неспособности. Прежде чем попасть в Москву, уроженка Таганрога переработала во множестве провинциальных театров, куда она, согласно штатному расписанию, приглашалась на роли «героинь-кокетт с пением и танцами за 35 рублей со своим гардеробом». Начинала с массовок. Первую роль со словами ей довелось сыграть в Керчи. Она ее провалила. Вместо того чтобы произносить текст, начала здороваться со всеми участниками спектакля. Тогда же, оставив мечты о сцене, вернулась к родителям и выпросила прощение за то, что нарушила их волю, подавшись в артистки.

Позднее, будучи уже известной в стране актрисой, о своей жизни в столице она скажет: «Я переспала со всеми театрами Москвы, но ни с кем не получила удовольствия». Как только она оставалась без ролей – покидала очередной театр. В некоторые потом возвращалась.

В Театре имени Пушкина ей както во время репетиции сделали замечание: «Фаина Георгиевна, говорите четче, у вас как будто что-то во рту». – «А вы разве не знаете, что у меня полон рот говна?!» – ответила она спокойно и ушла из театра.

Уживаться в профессиональном сообществе ей всегда мешали абсолютное чувство стиля, безудержное стремление высмеять абсурд и трагическая неспособность в нем участвовать. Книгу о своей жизни она порвала – писать ее ей казалось глупым и нескромным. «Не хочу обнародовать жизнь мою, трудную, неудавшуюся, несмотря на успех у неандертальцев и даже у грамотных. Я очень хорошо знаю, что талантлива, а что я создала?»

Британская энциклопедия включила Раневскую в список самых гениальных актрис двадцатого столетия. Однако на ее счету нет ни одной главной роли.

Ей, например, предназначалась большая роль Евфросинии Старицкой в фильме Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный», и та в итоге досталась Серафиме Бирман. «Мулю из «Подкидыша» в царский род?! Ее в семью Рюриковичей?!» – возмутились на «Мосфильме», не дав воплотить замысел Эйзенштейну...

Героиня эпизода – она умела заслонить собой любое кинотворение. Свести на нет весь режиссерский замысел, потому что в историю неизбежно попадала только она. В кадре она почти всегда делала то, что хотела.

Успех ее не радовал, она «не знала успеха у себя самой». Ордена и медали складывала в коробочку и называла их «похоронные принадлежности». Говорила: «Я родилась недовыявленной и ухожу из жизни недопоказанной. Я недо...» ■

Фаине Раневской не досталось главных ролей, но и в неглавных она делала то, что хотела. Кадр из кинофильма «Весна». 1947.

Героиня эпизода – она умела заслонить собой любое кинотворение